

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА
ВОКРУГ ВОПРОСА О РОЛИ Г. В. ПЛЕХАНОВА
И ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»
В РОССИЙСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

...Спор или политика
теряет тут свое личное значение
и переходит в борьбу за идеи.

В. Г. Белинский

Сразу же после Великого Октября вопросы идеологии и политической практики группы «Освобождение труда», ее лидера Г. В. Плеханова стали объектом острой идейно-политической борьбы историков-марксистов с представителями буржуазной и мелкобуржуазной историографии. Это было естественно: с деятельностью этой группы связывались истоки движения, которое привело к победе «первой большевистской революции»¹. К сожалению, историю группы «Освобождение труда», говоря словами М. Н. Покровского, «стали писать те, кто меньше всего имел на это право — и у кого меньше всех было к этому способностей»², — «историки мелкобуржуазного склада», пытавшиеся отрицать тот факт, что революционный процесс, обеспечивший в России победу над царизмом и капитализмом, развивался под знаменем идей В. И. Ленина. Эта попытка вызвала к жизни обширную и разнообразную литературу, в которой, наряду с указанными вопросами, важное место заняла проблема «Ленин и Плеханов». Перед лицом идейного натиска буржуазно-помещичьей реакции, того антисоветского хора³, который объединил почти все идейные платформы буржуазной и мелкобуржуазной мысли — от монархистов до «социалистов» типа меньшевиков, эсеров, оппортунистов II Интернационала, — эта проблема приобрела острое политическое звучание и выдвинулась на первый план в развитии историографического процесса.

Для отброшенных с пути пролетарской революции мелкобуржуазных партий смерть Плеханова (1918 г.) яви-

лась поводом для усиления нападков на большевистскую партию. На страницы различных буржуазных и мелкобуржуазных изданий буквально выплеснулся поток статей, в которых воинствующий антибольшевизм их авторов доходил до самых глубин политического падения и гнусных клевет: достаточно сказать, что саму кончину Плеханова озлобленные «теоретики» меньшевизма инкриминировали большевикам, В. И. Ленину. Более того, они попытались превратить это событие в орудие политических провокаций, различных контрреволюционных поползновений. В листке «На смерть Плеханова» московский комитет социал-демократической организации «Единство», внушая рабочим, что они потеряли в лице Плеханова «своего человека, своего учителя и своего вождя», провокационно взывал: «Кому как не вам, товарищи, кому как не вам понять, что значит... смерть *такого* человека? Кому как не вам найти и покарать ее виновников?»¹ Провокационными были и инсинуации А. Н. Потресова, изображавшего Плеханова «жертвой катастрофы», как автор именовал Октябрьскую революцию 1917 г.²

Меньшевистские историки и публицисты воспользовались смертью Плеханова для грубейших политических спекуляций. Они начали усердно творить апологетическую легенду о нем как деятеле, который на протяжении 1883—1918 гг. оставался «мировым социалистом», «правовверным марксистом», которому в качестве идейных противников в российской социал-демократии противостояли лишь всевозможные «блуждания», связанные с отходом от марксистского метода в понимании исторического процесса, с внедрением в социал-демократическую среду идей анархизма и бланкизма. Эту точку зрения, не имеющую ничего общего с научным подходом к оценке деятельности Плеханова, особенно настойчиво навязывал читателям еженедельник «Единство» (орган московского комитета организации «Единство»). Один из его авторов, меньшевик-плехановец П. Дневничный, писал: «...Плеханов — всегда один, цельный и неизменный с первых дней своей сознательной жизни до ее последних дней»³. Меньшевистская «Новая жизнь», извещая о смерти Плеханова, провозглашала его первым и до конца жизни крупнейшим теоретиком русского марксизма⁴.

¹ В кавычках — слова В. И. Ленина. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 150.

² Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 2. С. 324.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 139.

¹ Единство. 1918. 18 (5) июня. № 3. (Вкладка в экземпляре, хранящемся в Библиотеке ИМЛ при ЦК КПСС.)

² Былое. 1918. № 12 (кн. 6). С. 192.

³ Единство. 1918. 18 (5) июня. № 3. С. 5.

⁴ См.: Новая жизнь (Москва). 1918. 4 июня (22 мая). № 3.

Абсолютно ложное представление о Плеханове как деятеле, который с 1883 по 1918 г. «оставался единственным по своему значению... духовным вождем и теоретиком» российской социал-демократии¹, последовательным марксистом, составляло наиболее распространенную и политически заостренную тенденцию антимарксистской (особенно меньшевистской) историографии 20-х гг. Что же касается группы «Освобождение труда», то она рассматривалась как «зародыш», из которого выросла потом РСДРП², как «первая ячейка нашего пролетарского движения»³, как первоисточник — идейный и организационный — направления, противостоявшего большевизму.

С «теоретическим» обоснованием всех этих тенденций выступил А. Н. Потресов. Этот прикрывавшийся маской «социалиста» идеолог буржуазии пытался доказать, что Плеханов, с одной стороны, заключительное звено в той цепи наших русских «просветителей», наших вестников Европы, которая скреплена именами Белинского и Чернышевского, а с другой — представитель единственно правильной, ортодоксально-марксистской линии всей международной социал-демократии «в современном европейском понимании этих слов». В нем, следовательно, скрестились две линии развития — «сформировавшейся русской идейной и просветительной традиции и мирового социалистического рабочего движения», что и указывает на «огромность плехановской исторической миссии»⁴.

В соответствии с этим Потресов провозгласил Плеханова величайшим из идеологов европеизации России⁵. Молодой Плеханов выступил «вестником русской Европы и, как таковой, победил нашу Азию в лице ветхозаветного полуанархического, полуякобинского народничества...»⁶. Тем самым был зафиксирован переход на путь решительной и бесповоротной европеизации в области идеологии.

¹ См.: Дело. 1918. № 11—12. С. 7.

² См.: Базаров В. Памяти Плеханова // Новая жизнь (Москва). 1918. № 3.

³ См.: «Призыв комитета по увековечению памяти Плеханова», подписанный Л. Г. Дейчем. (Отдельная вкладка в еженедельнике «Единство» № 3 за 1918 г., хранящемся в Библиотеке ИМЛ при ЦК КПСС.)

⁴ Потресов А. Г. В. Плеханов // Былое. 1918. № 12 (кн. 6). С. 183—184.

⁵ См. там же. С. 191.

⁶ Потресов А. Историческая роль Плеханова // Дело. 1918. № 11—12. С. 3.

Что же касается «области практического движения», то намеченный Плехановым курс (свержение царизма и утверждение в России «начал демократического правопорядка») обусловил единственно правильное, с точки зрения автора, решение вопроса о «диспозиции сил» в его осуществлении. Историческое, общенациональное значение Плеханова, утверждал Потресов, в том и состояло, что он выяснил взаимозависимость «либерально-буржуазной и демократически-социалистической» частей России, подвел их друг к другу, обосновал «национальные общеклассовые задачи» страны, установил вехи «национального всенародного движения»¹.

Как видим, историческую заслугу Плеханова Потресов сводил к обоснованию программы и тактики меньшевиков-ликвидаторов. Здесь будто бы лежала предусмотренная Плехановым «магистраль общественного развития России», и на ней он стоял непреклонно, допуская, впрочем, ложные шаги и колебания в частных вопросах (например, порой «сходился с большевиками» и видел врагов в «ликвидаторах» — «вместо того чтобы распознать в них друзей...») ².

Доказывая неизменность позиции Плеханова в решении всех главных вопросов революционного движения в России на протяжении 1883—1918 гг., Потресов, как и прежде, извращал его общественно-политические позиции 1883—1903 гг., прямолинейно сближал их с меньшевизмом. Он признавал, что в первые 10—15 лет «напряженность плехановского творчества достигла своей максимальной высоты, своей точки кипения...». Но это признание отнюдь не было следствием выявления действительных позиций Плеханова. Напротив, Потресов доказывал, что именно в эти годы Плеханов дал «законченный круг идей» меньшевизма³. Социал-шовинист, давно изменивший делу рабочего класса, он утверждал, что «естественным резюме» жизни Плеханова, «кульминационной точкой всей его деятельности» был период мировой войны и революции 1917 г. «Никогда Плеханов не был так велик, — писал он, — никогда Плеханов не доказал в такой степени политического ясновидения, как в эти страшные, ответственные дни...»⁴

¹ См.: Потресов А. Историческая роль Плеханова. С. 2.

² Былое. 1918. № 12 (кн. 6). С. 190.

³ См. там же. С. 186—187.

⁴ Там же. С. 190.

Потресов не мог не признать того факта, что Плеханов оказался за бортом корабля российской революции. Но эту драму «идеолога европеизации России» он объяснил с сугубо контрреволюционных позиций трагедией «самого процесса этой европеизации...». Плеханов, по мысли автора, недооценил проникновение «старых мотивов народничества в марксизм», то азиатское, народническое, что по инерции вошло в политическую жизнь России и в лице большевиков взяло свой реванш¹. «...Умиряющего Плеханова,— утверждал Потресов,— доконал воскресший в лице Ленина анархист Бакунин... Плеханов погиб, потому что в России торжествует временно Азия»².

Характерно, что Потресов при этом ссылаясь на плехановскую концепцию исторического развития России, изложенную в его незавершенной «Истории русской общественной мысли». Эта концепция, писал он, «помогает нам и в данное время понять трагедию Плеханова: трагедию русской европеизации». Озлобленный враг Советской власти выражал еще надежду на встречный удар Европы (читай: объединенных сил контрреволюции), который выпрямит дорогу российского прогресса, «восстановит разрушенное дело Плеханова»³. Понятно, что Потресов весь «смысл исторического существования Плеханова как русского деятеля» видел в том, что последний отрицал путь, который привел к Октябрю 1917 г., отрицал саму Россию, прошедшую будто бы «через большевистскую ликвидацию демократических завоеваний революции» и созревшую якобы для реставрации⁴.

Таким образом, грубо извращая общую картину идейной эволюции Плеханова, Потресов выдвигал «концепцию», отражавшую политические вожелания русской буржуазии, которая «не оставила мысли о возвращении своей власти, не прекратила попыток к восстановлению своего господства»⁵. Пророча близкое «крушение большевизма» и одновременно пугая массы «ужасами реакции», которая может за этим последовать, меньшевистские лидеры развивали идею «единого демократического фронта» в качестве еще не испробованной комбинации общественных сил⁶, способных обеспечить «прогресс отечественной цивилиза-

¹ См.: Былое. 1918. № 12 (кн. 6). С. 191.

² Дело. 1918. № 11—12. С. 3.

³ Былое. 1918. № 12 (кн. 6). С. 192.

⁴ См.: Дело. 1918. № 11—12. С. 2.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 190.

⁶ См.: Рабочий Интернационал. 1918. № 1. Стб. 32.

ции» на путях «буржуазно-конституционного развития». В идейном облачении этой контрреволюционной «комбинации», будто бы равно враждебной и большевизму, и реакции, центральное место должен был занять всегда равный самому себе плехановский «европейский социализм».

Это была ставка на так называемый «третий» путь, «третью силу», о которой, как говорил Ленин, могли «болтать и мечтать только самовлюбленные Нарциссы»¹. На идеи «третьего» пути сомкнулись политические интересы меньшевиков и правых эсеров. Выдвигаемое меньшевиками оппортунистическое наследие Плеханова в виде идейного флера, своего рода ширмы, прикрывающей их пособничество помещикам и капиталистам, мало смущало лидеров правых эсеров. По-своему истолковывая позицию, занятую Плехановым после Октября 1917 г., и припоминая его знаменитое выступление на II съезде РСДРП о законности временного ограничения того или другого демократического принципа, если бы это потребовалось для торжества дела революции, они устами В. М. Чернова объявили основателя группы «Освобождение труда» «духовным отцом» большевиков и левых эсеров². Прислужники контрреволюции, они охотно «отдавали» Плеханова большевикам, поскольку свою «родословную» вели от Герцена и Чернышевского, представления которых о русской революции ничуть якобы не противоречили исторической теории Маркса, являлись «простым применением» ее к русской действительности. Ничего не почерпнув из опыта трех российских революций, Н. И. Ракитников, например, заявлял, что «Маркс принадлежит нам не в меньшей степени, чем марксистам. Если марксисты были ближе к букве Маркса... то мы были ближе к революционному духу Маркса и его учения»³.

При подобном подходе к делу правые эсеры могли спокойно относиться к попыткам меньшевиков превратить идеи и имя Плеханова в знамя борьбы с Советской властью и столь же спокойно закрывать глаза на меньшевистскую трактовку соотношения ленинизма и народничества. Идеиные разногласия между меньшевиками и эсерами полностью стирались перед заманчивой перспективой опрокинуть «анархо-большевизм» с помощью объединенных уси-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 240.

² См.: Чернов В. Право революционной диктатуры // Дело народа. 1918. 3 января. № 1 (246).

³ Ракитников Н. Маркс и революция // Дело народа. 1918. 4 мая (21 апреля). № 35.

лий «демократической» контрреволюции. И те и другие, писал В. И. Ленин, «играли роль пособников монархии, как прямых... так и прикрытых (наиболее «тонкая» и наиболее подлая позиция Черновых и Мартовых, которые якобы умывали руки, а на деле работали пером против нас)»¹.

Гальванизируемый Потресовым и другими меньшевиками старый ликвидаторский хлам — противопоставление «европейского марксизма» Плеханова учению Ленина — усердно тасил на страницы послеоктябрьской меньшевистской периодики А. С. Мартынов, сделавший последнюю попытку придать своим взглядам подобие исторически обоснованной «концепции». Исходная позиция автора проста: русский марксизм связан исторической преемственностью с западничеством, народничество же — со славянофильством. Современная борьба между меньшевиками и большевиками — лишь «новая вариация на старый спор»: это борьба между западноевропейским марксизмом, приспособленным к русским условиям (т. е. меньшевизмом), и его «самобытным, истинно русским искажением» (т. е. большевизмом). В историческом разрезе путь к современному меньшевизму Мартынов, не утруждая себя доказательствами, очертил прямой линией через Белинского, Чернышевского и Добролюбова «к Плеханову («старой марки») и к Аксельроду...». Другой путь — «через Герцена... усвоившего некоторые существенные черты славянофильства», через Бакунина, революционных народников 70-х и 80-х гг. к эсерам «и, околицей, к большевикам...»².

В этой фальсификаторской схеме, политическая подкладка которой очевидна, нет даже и тени оригинальности: Мартынов повторял зады буржуазно-либеральной историографии, в частности проводившееся В. Я. Богучарским противопоставление «политического реализма» меньшевиков «социальному утопизму» большевиков³. Выкладки Мартынова, демонстрировавшие зависимость мелкобуржуазной исторической мысли от буржуазной историографии, в новых исторических условиях были жалкой попыткой прикрыть «социалистической» фразеологией свое

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 103.

² См.: Мартынов А. Марксизм в России // Рабочий Интернационал. 1918. № 3—4. Стб. 95—96.

³ См.: Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века: Партия «Народной воли»: Ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912.

идейно-политическое банкротство, с одной стороны, а с другой — внести свою лепту в идеологическую подготовку контрреволюционного буржуазного рванша.

Политический смысл статьи Мартынова сводился к попытке внушить читателям мысль о том, что большевики «всегда упрощали марксизм и принижали его до уровня российской азиатчины», что в лице ленинизма «последней октябрьской формации» «русский марксизм пошел на смарку и русское революционное движение, по своим методам, как будто вернулось к временам Ткачева и Бакунина»¹. Проводя нелепую мысль о том, что социальной почвой ленинизма являлась анархическая крестьянская стихия, сближая большевистскую политику и тактику с нечаевско-бакунинским экстремизмом², Мартынов, как и Потресов, смыкался с идеями таких идеологов контрреволюционного кадетизма, как Н. А. Бердяев, А. С. Изгоев и др.³

Следуя меньшевистской историографической традиции, Мартынов вслед за Потресовым выпячивал «европеизм» Плеханова, противопоставляя его учению Ленина. Если Потресов упрекал Плеханова в недооценке проникновения старых народнических идей в марксизм⁴, то и Мартынов проводил, по сути дела, ту же мысль, говоря, что противоположность ленинизма и марксизма «ускользала от внимания даже наиболее последовательных и выдержанных марксистов искровского периода — П. Аксельрода и Л. Мартова...». Автор имел в виду, конечно, и Плеханова, хотя в туманной форме давал понять, что последний в 1901—1903 гг., борясь с «экономизмом», впадал в бакунинские и бланкистские «крайности», от которых П. Аксельрод предостерегал еще в 1898 г. Тактическая линия Плеханова в «Искре» и «Заре» была, с точки зрения Мартынова, менее «выдержанной», чем та, которую «впервые наметил Аксельрод» в своих статьях конца 90-х гг.⁵ Не желая прощать Плеханову его удары по оппортунизму в период борьбы с «экономизмом» и ликвидаторством, его явные уступки большевизму в период ленинской «Искры», Мартынов занял апологией писаний Аксельрода и меньшевистской тактики в революции в противовес большевизму,

¹ Рабочий Интернационал. 1918. № 3—4. Стб. 111—112, 114.

² См. там же. Стб. 112—113.

³ См.: Бердяев Н. Идеи и жизнь // Русская мысль. 1918. № 1. С. 104—105; Изгоев А. О заслугах большевиков // Там же. С. 56—57.

⁴ См.: Былое. 1918. № 12 (кн. 6). С. 191.

⁵ См.: Мартынов А. Марксизм в России. С. 106, 108—109.

который он с помощью клеветнических выкладок полностью «отлучал» от марксизма¹.

С позиций воинствующей апологетики Плеханова выступал меньшевик Г. Наумов, претендовавший — без всяких на то оснований — на всеобъемлющий анализ деятельности пионера научного социализма в России. Общее для меньшевиков признание «реакционного значения большевистского переворота»² выступало у Наумова главным основанием полного оправдания идейно-политических позиций Плеханова на протяжении всего 40-летия его деятельности. Для автора Плеханов — единственный вождь русской революционной социал-демократии, идеалом которого была истина, «чистота партийного знамени». Слепленный идеей теоретической и политической непогрешимости Плеханова, Наумов рисовал его деятельность в виде нескольких «циклов борьбы» за единственно правильную «партийную программу и партийную организацию» с различными отклонениями от учения Маркса. Понятно, что предпринятая им «сводка» философских, экономических и политических взглядов Плеханова оказалась нагромождением бездоказательных умозрений и искажений, обнаруживающих лишь заскорузлую меньшевистскую тенденциозность автора: представляя в одиозном виде взгляды своих политических противников, он всю свою аргументацию черпал из меньшевистской публицистики своего кумира и распространял выраженные в ней взгляды на период 80 — 90-х гг.

Субъективистская методология, служившая Наумову орудием политических подтасовок, обнаруживала свою полную научную беспомощность, как только он прикасался к анализу эволюции общественно-политических взглядов Плеханова. Он утверждал, что последний усвоил учение Маркса еще в землевольческий период, организацию «Черный передел» объявил стоящей «на почве научного социализма», а плехановский проект программы 1883 г. — «синтезом экономических стремлений народничества и политического радикализма «Народной воли»³. В соответствии с этим Наумов грубо извратил основные идеи произведенный Плеханова 80 — 90-х гг. во имя «доказательства» того, что лидер группы «Освобождение труда» открыл

единственно правильную «формулу русской революции», ставшую выражением ее «общенационального характера». Автора особенно умиляло то, что Плеханов, по его словам, увидел «творческую политическую роль промышленной буржуазии», а в 1914 г. «выступил в качестве пламенного патриота и проводника национальной коалиции»¹.

В 1922 г. в журнале «Под знаменем марксизма» было опубликовано письмо «Г. В. Плеханов не переставал быть марксистом», подписанное от имени «Комитета по увековечению памяти Г. В. Плеханова» Л. Аксельрод (Ортодокс) и Л. Г. Дейчем. Поводом для письма явилось опубликованное обращение Исполкома Коминтерна «К рабочим всех стран», в котором содержалась фраза: «...еще покойный Плеханов, когда он был марксистом...» Упомянутый комитет нашел эту фразу неверной и оскорбительной как для памяти Плеханова, так и для его друзей и единомышленников. Рабочие, по мнению авторов письма, «не зная в точности взглядов... Плеханова», могли поверить, что «основоположник марксизма в России потом изменил ему, что, конечно, абсолютно не верно». И далее утверждалось, что Плеханов «до гробовой доски... остался верен взглядам основателей научного социализма, усвоенным им в юности и неизменно проповедуемым в течение почти сорока лет»².

Это письмо, начисто отвергавшее ленинские взгляды на изломы идейно-политической биографии Плеханова, не получило своевременного отпора со стороны историков-марксистов и лишь позднее было справедливо оценено как «прямая меньшевистская вылазка, прямое меньшевистское обращение против воззвания Коминтерна...»³.

Более тонко, избегая грубых выпадов против большевизма, но с тех же идейных позиций писал о Плеханове Н. И. Иорданский. Он стремился рассеять «предрассудок», будто Плеханов «допускал искусственное усечение поднимающейся линии революции и считал возможным ограничение революционной стихии...». В противовес этому «предрассудку» старый меньшевик пытался доказать недоказуемое: что русская революция «так же не отступила от схемы

¹ Наумов Г. Г. В. Плеханов (1857—1918): Научная деятельность. Политические взгляды. Партийная деятельность. С. 38—40, 42.

² Под знаменем марксизма. 1922. № 5—6. С. 155. «Комитет по увековечению памяти Г. В. Плеханова», возникший летом 1918 г. по инициативе Л. Г. Дейча и Р. М. Боград-Плехановой, ставил своей целью содействовать «широкому распространению взглядов Плеханова, а также созданию всякого рода просветительных учреждений», которые должны были носить его имя.

³ Под знаменем марксизма. 1932. № 3—4. С. 23.

¹ См.: Мартынов А. Марксизм в России. С. 107—114.

² См.: Наумов Г. Г. В. Плеханов (1857—1918): Научная деятельность. Политические взгляды. Партийная деятельность. Киев, 1919. С. 37.

³ Там же. С. 51—55.

Плеханова 1916 года, как она не отступила и от его схемы 1889 года»¹. «Основоположник великой борьбы русского пролетариата», утверждал он, до конца своих дней оставался марксистом и диалектиком, чуждым каких-либо «жирондистских» зигзагов, и вся его революционная борьба последних тридцати лет и ее окончательное торжество над силами старой России совершились так, как он предвидел.

Это была явная фальсификация, отразившая еще не остывшие надежды автора и его единомышленников на то, что в «исторической перспективе» Плеханов и русская революция «соьются в единое и неделимое целое», поскольку все разногласия его «с другими вождями революции» не касались «самого здания» (т. е. конечного торжества социализма)². Естественно, что плехановскую критику большевизма, подобно Потресову и другим меньшевикам, он возводил в ранг высшей «революционной целесообразности», которая, дескать, пробьет себе дорогу в дальнейшем развитии революционного процесса.

Несколько страниц группе «Освобождение труда» и Плеханову посвятил Н. А. Рожков в своей «Русской истории в сравнительно-историческом освещении». Проследив «идеологические новшества» группы на основе ее программных документов и первых марксистских работ Плеханова, он оценил их как «поворотный пункт, переход к научному социализму». «Огромную важность» плехановского творчества он видел в том, что им были заложены «теоретические основы новой революционной партии в России, которой принадлежало будущее». Но анализ этих «основ» в книге Рожкова не отличался глубиной, как и его попытка специально заняться «обследованием мало разработанного и спорного вопроса» об идейном и организационном влиянии группы «Освобождение труда» на становление социал-демократического движения в России. Эта попытка, основанная на крайне ограниченном круге литературы и источников (главным образом мемуарных), привела историка к выводу о том, что два социал-демократических течения (заграничное и внутреннее) возникли независимо друг от друга, не были созданы одно другим³.

¹ Иорданский Н. Основоположник русской революции: (К 4-летию смерти Плеханова) // Историко-революционный вестник. 1922. № 1 (4). С. 8.

² См. там же. С. 6—7, 11.

³ См.: Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). Л.; М., 1925. Т. 11. С. 332—333, 337, 346.

В этом отношении автор, по сути дела, повторил точку зрения, уже высказанную ранее В. И. Невским и некоторыми другими историками. Подчеркивая историческую обусловленность появления марксизма на русской почве, Рожков не только полностью отрицал влияние группы «Освобождение труда» на социал-демократические организации 80-х гг., но и весьма своеобразно решал вопрос о ее роли в теоретическом основании русской социал-демократии. Он утверждал, что «внутренние организации вынесли на свои плечах и выработку идеологии, программы, тактики, и всю организационную работу и только потом уже воспользовались плодами работы группы «Освобождение труда», которая окончательно завершила процесс развития социал-демократических воззрений и организаций в России уже в 90-х годах»¹.

Эта мысль, ошибочно трактованная соотношением между идейным развитием группы «Освобождение труда» и развитием социал-демократических организаций в самой России, ясно свидетельствует, что Рожков в несколько завуалированной форме проводил ту свойственную всей меньшевистской историографии точку зрения, которая игнорировала нерасторжимую связь качественно новых явлений в развитии российского социал-демократического движения с теоретической и практической работой В. И. Ленина. Конечно, в условиях, когда в советском общественном сознании постепенно утверждался взгляд на ленинизм как высшее достижение в творческом развитии марксизма применительно к новой эпохе, Рожков не мог обойти молчанием эту сторону дела; он попытался даже представить деятельность Ленина «в некоторой цельной картине».

Картина эта оказалась, однако, искаженной. Выясняя «главные отличия» движения 90-х гг. по сравнению с 80-ми гг., Рожков не сумел выяснить роль Ленина в переходе социал-демократического движения в России на качественно новый уровень. Он преувеличил значение брошюры «Об агитации», допустил грубые ошибки в изложении истории создания петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», причем дал понять, что направление его деятельности почти целиком определялось группой «Освобождение труда»². Подобный подход Рожкова к проблеме определил его крайне поверхностный

¹ Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). Т. 11. С. 346—347.

² См. там же. С. 355—356.

анализ первых крупных работ Ленина: он не увидел в них ни творческого развития теории Маркса, ни тем более мастерского применения его критического и революционного метода — материалистической диалектики — к специфическим условиям социал-демократического движения в России.

Таким образом, подлинно научного подхода к вопросу о роли группы «Освобождение труда» в развитии российского социал-демократического движения Рожков не нашел, и не мог найти: над ним явно тяготела меньшевистская историографическая традиция, хотя в трактовке некоторых моментов он и пытался выйти за ее пределы.

Печать меньшевистских представлений о роли и значении Плеханова в истории российской социал-демократии лежит и на работах Б. И. Горева. Право Плеханова на «бессмертие» он обосновывал тем, что «основоположник русского марксизма и основатель русской социал-демократии» при всех своих колебаниях в вопросах тактики, при всех отступлениях в своей практической деятельности от подлинного духа революционного марксизма оставался «истинным продолжателем дела Маркса и Энгельса», теоретиком, который не имел себе равного. Автор утверждал, что Плеханов «никогда не был изменником рабочему делу, делу всей своей жизни и до последнего вздоха оставался революционером в теории и на практике»¹.

В угоду этому исторически фальшивому выводу Б. И. Горев оправдывал даже переход Плеханова на позиции социал-шовинизма, хотя и оценивал этот шаг как «роковое падение». Грубые противоречия автора были прямым следствием его политической позиции. Утверждая, что Плеханов «по основным своим убеждениям» мог бы прикнуться к Советской власти, он обнаруживал эту позицию с полнейшей ясностью, добавляя: «Но от нового падения его на этот раз спасли революционный такт и революционная диалектика марксизма...»², т. е. как раз то, в чем Горев отказывал, вопреки элементарной логике, большевикам. Плеханов, как продолжатель и истолкователь Маркса, для него был «всегда общепризнанным учителем всей русской социал-демократии, без различия фракций и течений...»³.

¹ Горев Б. И. Первый русский марксист Г. В. Плеханов. М., 1923. С. 20, 50—51; *Его же*: Г. В. Плеханов. 2-е изд. М., 1925. С. 63. В. И. Невский дал явно завышенную оценку этой работе (см.: Печать и революция, 1926. Кн. 2. С. 143—144).

² Горев Б. И. Первый русский марксист Г. В. Плеханов. С. 47, 50.

³ Горев Б. И. От Томаса Мора до Ленина, 1516—1917. 2-е изд. М., 1922. С. 104—105.

Эта точка зрения открывала широчайший простор как для безудержной апологетики Плеханова, так и для извращения теоретической деятельности его противников, прежде всего большевиков, В. И. Ленина.

Естественно, что автор даже не приблизился к научному определению места Плеханова в истории русской общественной мысли. Во многом он шел по стопам Потресова. Но важно отметить, что он, в отличие от тенденциозных постановок меньшевистских историков, проводил не менее тенденциозную и столь же вредную с политической точки зрения мысль, будто между Плехановым и Лениным даже в 1914—1917 гг. имелось «большое духовное родство» (и тот и другой якобы одинаково смотрели на общественную деятельность, признавали принцип «цель оправдывает средства» и т. п.)¹. Исходя из этого, Горев насаждал получившую широкое распространение в историографии 20-х гг. тенденцию, сводившуюся к утверждению, что «русский большевизм является в значительной мере продолжением и применением на практике... идей Плеханова...»². В этой связи автор указывал на относящиеся к 1900—1901 гг. работы последнего, забывая о том, что генезис большевизма невозможно представить без учета ленинских работ 90-х гг. Впрочем, эта «забывчивость» была следствием того, что Ленина Горев рассматривал лишь как ученика и последователя Плеханова в области теории³.

Судя по всему, мысли Б. И. Горева вращались в кругу тех порочных идейно-политических установок, которые были нацелены на то, чтобы сугубо предвзятой интерпретацией политических идей Плеханова размыть грани, отделяющие большевизм от меньшевизма, а в конечном итоге ревизовать ленинизм. В этом отношении «идеи» Горева не отличались новизной. Еще в 1918 г. в кратком извещении редакции «Правды» о смерти Плеханова содержалась двусмысленная и туманная фраза о том, что именно «его трудами было подготовлено для русского пролетариата великое учение научного социализма»⁴. Тогда же Г. Е. Зиновьев, приписывая Плеханову «блестящее обоснование

¹ См.: Горев Б. И. Первый русский марксист Г. В. Плеханов. С. 49.

² Горев Б. От редакции // Г. В. Плеханов. В защиту революционного марксизма: Сб. статей. М., 1922. С. VI.

³ См.: Горев Б. И. Г. В. Плеханов. С. 56. Ср.: *Его же*: Плеханов в борьбе с противниками революционного марксизма // Под знаменем марксизма. 1922. № 5—6. С. 36—37.

⁴ Правда. 1918. 5 июня (23 мая).

идеи гегемонии пролетариата», без обиняков заявлял, что большевики взяли у Плеханова «много не только в обосновании теории марксизма, но и в обосновании тактических идей большевизма»¹. Позднее, в 1923 г., Зиновьев, явно принижая теоретическую деятельность Ленина (Плеханов — теоретик, Ленин — политический деятель), утверждал, что в известной мере Плеханов — «один из основоположников большевизма»². Зиновьеву вторил Г. Сафаров, объявивший Плеханова «верным рыцарем марксистской мысли», «предтечей большевизма», для которого будто бы именно он «выковал и применил к русским условиям лучшее теоретическое оружие»³.

Мысль о Плеханове как основоположнике идей большевизма и предтече III Интернационала постоянно мелькала на страницах партийной периодики. Так, редакция «Спутника коммуниста», выпуская специальный номер, посвященный преимущественно борьбе Плеханова с ревизионизмом, предварила опубликованные в нем статьи предисловием, в котором говорилось: «На почве российской действительности Плеханов положил первые краеугольные, фундаментальные камни того здания революционного марксизма, которое — сперва в России, а потом и во всем мире — получило название большевизма. 40 лет тому назад Плеханов начал ковать революционную мысль пролетариата, в те годы он, поистине, был «властителем дум» авангарда рабочего класса. Поэтому Плеханов является предтечей III Интернационала...»⁴ Под эти безудержные преувеличения, начисто исключавшие роль Ленина в творческом развитии марксистской теории, подводилось своего рода «философское обоснование»: А. М. Деборин, например, утверждал, что только благодаря Плеханову «марксизм вышел неповрежденным из всех «критических» испытаний и превратился в широкое научно обоснованное мировоззрение», что плехановское направление «является единственно выдержанным и цельным во всей литературе марксизма»⁵. Так в советской историографии начала формироваться антинаучная, ревизионистская по своей сути историографическая тенденция, получившая наиболее полное выражение в работах В. Ваганяна.

¹ Правда. 1918. 7 июня (25 мая).

² См.: Зиновьев Г. История РКП(б). М.; Пг., 1923. С. 140.

³ Сафаров Г. Предтеча большевизма // Российская Коммунистическая партия — вождь пролетариата. Пг., 1923. С. 141—142.

⁴ Спутник коммуниста (Москва). 1923. № 24.

⁵ Деборин А. Вместо статьи // Под знаменем марксизма. 1922. № 5—6. С. 12.

Большое идейное влияние на Ваганяна оказал Д. Б. Рязанов, под редакцией и с предисловиями которого печаталось собрание Сочинений Плеханова. Игнорируя ленинский анализ мировоззрения и идейно-политической биографии последнего, Рязанов предлагал читателям собственную схему. В деятельности Плеханова он выделял три периода: «...первый, подготовительный, в течение которого Плеханов превращается из революционного народника в революционного марксиста (1878—1882 гг.); второй — от 1883 до 1914, — в течение которого основоположник русского марксизма, несмотря на разные колебания, остается в революционных рядах, и третий — от 1914 до 1918, когда он расходится даже с меньшевиками и теряет почти всякую связь с рабочим движением»¹. Д. Б. Рязанов, следовательно, стирал ту грань, которая отделяла Плеханова — революционного марксиста от Плеханова-меньшевика.

Эта схема, открывавшая широкий простор для принижения роли Ленина в разработке теоретических и программно-тактических основ партии нового типа, стоит в прямой связи с теми положениями, которые Рязанов выдвигал задолго до Октябрьской революции и лишь повторил в 1918 г. Категорически утверждая, что учителями русской социал-демократии 90-х гг. являлись Каутский и Плеханов, он писал: «...без той решительной поддержки, которую Плеханов вместе с группой «Освобождение труда» оказал «искровцам», то течение, которое в русской социал-демократии стало известно под названием «ленинизма» или «большевизма», никогда не могло бы приобрести того авторитета, каким оно пользовалось и пользуется в рабочих массах»². Отсюда и следовала мысль автора о том, что Плеханов «десяти лет» был вождем рабочего класса России, а разногласия с большевиками — всего лишь естественное отчуждение между Плехановым-теоретиком и революционером-практиком³. В 1922 г. Рязанов, полностью смыкаясь с Дебориным в своем стремлении принизить роль Ленина в развитии марксистской философии, утверждал, что во всей международной марксистской литературе, после Маркса и Энгельса, нет ни одного произведе-

¹ Рязанов Д. Предисловие редактора // Г. В. Плеханов. Соч. М., 1922. Т. 1. С. 6.

² Рязанов Д. Памяти Георгия Валентиновича Плеханова // Вестник профессиональных союзов. 1918. № 2. С. 2.

³ См. там же.

дения, которое могло бы сравниться с философскими работами Плеханова по эрудиции и блеску изложения¹.

Ошибочные выкладки Б. Горева, А. Деборина, Д. Рязанова стали для Ваганяна своего рода отправной точкой, позволявшей ему возводить теоретические и политические взгляды Плеханова в ранг большевизма. Еще в 1922 г., подчеркивая свою солидарность с Б. И. Горевым, он утверждал, что не только российский большевизм, но и мировое коммунистическое движение является единственным продолжением, «лучшим и последовательнейшим развитием плехановских традиций»². Если учесть, что под «традициями» автор прямолинейно понимал постулируемую им общность идейно-теоретических взглядов Плеханова, с одной стороны, и большевиков как его последователей и учеников — с другой, то станет понятным и тот факт, что даже идею создания партии нового типа он приписывал Плеханову, совершенно неосновательно ссылаясь на его «Комментарий к проекту программы РСДРП», опубликованный в № 4 «Зари»³.

В 1924 г. Ваганян опубликовал книгу о Плеханове⁴, в которой, по словам Е. М. Ярославского, «высказался со всей полнотой»⁵. Действительно, вся его книга была нацелена на доказательство приоритета Плеханова в обосновании идей большевизма. Рассматривая проблематику соотношения социализма и политической борьбы в самом широком аспекте (организация политической борьбы рабочего класса, гегемония пролетариата, отношение пролетариата к либеральной буржуазии и мелкобуржуазной демократии), Ваганян сделал вывод о том, что Плеханов по всем указанным вопросам выступал как представитель «самого последовательного революционного воззрения», а самое главное — «прямым и непосредственным подготавителем российского большевизма, — все элементы его учения о социализме и политической борьбе вошли неприкосновенно в идеологию нашей партии и составляли основу нашей тактики, начиная со II съезда»⁶.

¹ См.: Рязанов Д. Предисловие редактора. С. 6.

² Румий В. (Ваганян). Рец. на сб. статей Плеханова «В защиту революционного марксизма» // Под знаменем марксизма. 1922. № 7—8. С. 183—184.

³ См.: Ваганян В. Борьба Плеханова с экономизмом // Под знаменем марксизма. 1922. № 5—6. С. 42.

⁴ Ваганян В. Г. В. Плеханов. М., 1924.

⁵ Ярославский Е. М. Ответ тов. Ваганяну // Большевик. 1926. № 18. С. 81.

⁶ Ваганян В. Г. В. Плеханов. С. 252.

В духе этой установки Ваганян трактовал решение Плехановым вопроса о гегемонии пролетариата в предстоящей буржуазной революции. Утверждая, что идея гегемонии пролетариата была провозглашена уже в первых марксистских выступлениях Плеханова как нечто неизбежное и объективно обусловленное, Ваганян проводил ошибочную мысль, что уже в силу этого принципиально намечалось и направление в правильном решении вопроса об отношении к либеральной буржуазии, мелкобуржуазной интеллигенции и крестьянству¹. Тем самым автор недвусмысленно давал понять, что Плеханов правильно решал вопрос о расстановке классовых сил в российской буржуазной революции, и на этой основе разработал тактическую линию, принятую большевизмом.

В том же ключе Ваганян рассматривал и взгляды Плеханова на аграрно-крестьянский вопрос. Признавая на словах заслуги Ленина в разработке этого вопроса, автор тем не менее сводил их на нет субъективистской интерпретацией отдельных плехановских положений, позволявшей утверждать, что «Ленин унаследовал от Плеханова основные элементы своей грядущей аграрной политики»².

Таким образом, по мысли Ваганяна, к началу XX в. Плеханов предложил «наипоследовательнее революционное решение» всех основных вопросов, стоявших перед российской социал-демократией, дал единственно правильную разработку программных, тактических и организационных принципов пролетарской партии. Оставалось только «подвести итог и создать некий кодекс своих теоретических и тактических воззрений», что и было сделано на II съезде РСДРП³, принявшем Программу, единственным творцом которой Ваганян считал Плеханова⁴. Отделяя большевизм от учения Ленина, Ваганян не остановился перед утверждением, будто «Искре» «было уже не до теории», что она ограничивалась приложением теории «к потребностям практической политики», чем опять-таки занимался прежде всего Плеханов⁵. На долю Ленина автор оставлял лишь практическую работу по осуществлению «наигениальных» теоретических и программно-тактических установок Плеханова.

¹ См.: Ваганян В. Г. В. Плеханов. С. 202.

² Там же. С. 249.

³ См. там же. С. 174.

⁴ См.: Материалист (Ваганян). Ответ Н. Бабахану // Под знаменем марксизма. 1923. № 4—5. С. 262.

⁵ См.: Ваганян В. Г. В. Плеханов. С. 198—199.

Книга Ваганяна о Плеханове (как и серия последовавших за ней брошюр и статей) представляла собой опасную с политической точки зрения диверсию против учения В. И. Ленина. Ее выход в свет совпал с очередной атакой Троцкого на ленинизм, попытками фракционеров идейно разоружить рабочий класс и его партию с помощью фальсификации ее истории, ее идейно-теоретических основ. «Отдавая» Плеханову всю сумму идей большевизма, Ваганян объективно способствовал попыткам меньшевиков и троцкистов умалить значение ленинизма как нового этапа в творческом развитии марксизма, что не могло не встретить решительного отпора со стороны историков партии.

Правда, решительную отповедь извращениям проблемы «Ленин и Плеханов» они дали, к сожалению, не сразу. Для этого надо было глубоко осмыслить ленинскую концепцию истории РСДРП, решить проблему генезиса большевизма, с позиций историзма взглянуть на ленинскую оценку деятельности Плеханова и его группы, а также поставить указанную проблему в связь с борьбой не за пролетарскую партию вообще, а за партию нового типа. Но не сразу историки и публицисты нашей партии уяснили до конца значение установленного Лениным рубежа, отделяющего «старого» Плеханова от Плеханова-оппортуниста (правда, и в меньшевизме занимавшего порой «особую позицию»), и потому они еще известное время могли мириться с рязановской периодизацией политической деятельности «первого русского марксиста», преувеличивать роль группы «Освобождение труда» в создании РСДРП.

Так, А. В. Луначарский в 1918 г., анализируя зигзаги политической дороги Плеханова, давал понять, что он вплоть до 1914 г. оставался, в сущности, на позиции революционного марксизма, что только мировая война «искалечила его», «убила в нем социалистическую душу и подменила ее душой социал-патриотической», в силу чего буржуазия — от Суворина до Гиппиус — признала его «своим». Полагая, что Плеханов — «герой революционного духа» — сбился с правильного пути лишь за несколько лет до своей смерти, автор невольно затушевывал принципиальные разногласия между ним и большевиками в 1903—1914 гг. «Он был с нами, — писал Луначарский. — Все споры, в конце концов, были размоливками: в конце концов, мы были членами одной семьи, патриархом

которой был великий Маркс»¹. Без каких-либо оговорок автор представил большевиков учениками Плеханова, продолжателями «той его постройки, которой он заложил фундамент...»².

В начале 20-х гг. мысль о деятелях группы «Освобождение труда» как «основоположниках русской пролетарской партии», о Плеханове как «родоначальнике большевистской партии» была на какое-то время закреплена авторитетными выступлениями А. И. Ульяновой-Елизаровой, Б. Л. Эйдельмана, В. А. Быстрянского и некоторых других партийных историков и публицистов. Даже в 1924 г. А. И. Ульянова-Елизарова писала о Плеханове как о «родоначальнике нашей партии»³. Аналогичными были, по сути дела, и взгляды Эйдельмана. Он настаивал на том, что «1883 год дал начало нашей партии, достигшей полного совершенноголетия» в 1903 г.⁴ В. А. Быстрянский также исходил из убеждения, что в трудах группы «Освобождение труда» «был заложен прочный теоретический фундамент для развития пролетарской партии в России». «Критика народничества и применение марксизма к российской действительности — такова громадной важности идейная работа, проделанная основоположниками классовой политической организации пролетариата в России. На теоретическом базисе, созданном трудами группы «Освобождение труда», и развилась рабочая партия в России»⁵. На основе этого положения, как бы «снимавшего» вопрос о значении теоретической работы Ленина, автор делал вывод о том, что РКП «ведет свою родословную от группы «Освобождение труда»⁶.

Попытки наметить пути становления и развития научной идеологии и политики рабочего класса в России вне связи с кардинальной проблемой зарождения большевизма не могли дать методологически выверенных и научно обоснованных решений. Постепенно становилось очевидным, это эти попытки вольно или невольно ведут историков к искажению исторической перспективы в анализе генезиса партии российских коммунистов. Идео-

¹ Луначарский А. В. Памяти Георгия Валентиновича Плеханова // Пламя. 1918. № 7. С. 3—4.

² Там же.

³ См.: Пролетарская революция. 1924. № 7 (30). С. 254.

⁴ Эйдельман Б. К двадцатипятилетию со дня первого съезда (1898—1923) // Российская Коммунистическая партия — вождь пролетариата. Пг., 1923. С. 121, 122.

⁵ Быстрянский В. К двадцатипятилетию РКП (1898—1923) // Российская Коммунистическая партия — вождь пролетариата. С. 130.

⁶ Там же. С. 120.

логические диверсии со стороны остатков разбитых революцией мелкобуржуазных партий (в особенности меньшевиков), которые, спекулируя на имени Плеханова, готовили «идейное поле для откровенно буржуазной контрреволюции»¹, а также наскоки на ленинизм со стороны троцкистов ярко высветили политическую остроту проблемы, связанной с деятельностью группы «Освобождение труда», выдвинули задачу бескомпромиссной борьбы с фальсификацией истории партии вообще, истоков большевизма в частности.

В условиях крайне слабой разработанности ряда общих вопросов генезиса российской революционной социал-демократии «подтягивание» идеологии группы «Освобождение труда» к большевизму в духе Ваганяна могло до определенного времени казаться если не вполне правомерным, то, по крайней мере, вполне безобидным увлечением. Даже Невский первую работу Ваганяна о Плеханове и группе «Освобождение труда», опубликованную в журнале «Под знаменем марксизма» за 1922 г., назвал прекрасной². Очень скоро, однако, он понял связь идеализации Плеханова и его группы с выступлениями антипартийных группировок, нацеленных на ревизию ленинского учения, на противопоставление его «ортодоксальному марксизму», на подрыв ленинской концепции генезиса РСДРП.

Уже в 1924 г. В. Быстрянский указал на «тенденциозное извращение» В. Ваганяном ленинского учения о партии³. Но первый глубоко аргументированный удар по субъективистской схеме Ваганяна нанес А. С. Бубнов. Расценив его книгу как продукт наметившегося ревизионистского отношения к ленинизму, он подчеркнул, что предпринятая автором ревизия роли Ленина в истории русского марксизма неизбежно ведет не только к «неправильному столкновению различных моментов в истории выработки Лениным основ мировоззрения», но и к апологетическому искажению идейно-политических позиций Плеханова по целому ряду вопросов⁴. Привлекая новые документальные материалы, опубликованные

¹ КПСС в резолюциях... 9-е изд. М., 1984. Т. 3. С. 462.

² См.: *Невский В. И.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 555.

³ См.: *Быстрянский В.* Обзор литературы о Ленине и ленинизме // *Красная молодежь.* 1924. № 2. С. 190.

⁴ См.: *Бубнов А.* Ревизия роли Ленина в истории русского марксизма: (По поводу книги т. Ваганяна) // *Большевик.* 1925. № 1 (17). С. 103.

во втором «Ленинском сборнике», Бубнов показал «бесцеремонное и легкомысленное» извращение Ваганяном сущности и характера разногласий между Лениным и Плехановым в период выработки проекта Программы партии, а также действительной роли каждого из них в борьбе с легальным марксизмом и «экономизмом».

Вскрывая порочность методологии и исследовательской методики автора книги о Плеханове, Бубнов писал: «Тов. Ваганян, очевидно, в дни своей юности встал на колени перед Плехановым, и его книга показывает, что и до сих пор он не изменил своей позы. Коленопреклоненный перед Плехановым, тов. Ваганян не в состоянии правильно оценить Плеханова. Одновременно он лишен возможности понять и Ленина»¹. Историк-ленинец справедливо обвинил Ваганяна в том, что он не понял «самостоятельную ленинскую линию еще в «доискровский» и «искровский» периоды развития нашей партии и революционного марксизма в России», не сумел показать, какие плехановские «уклончики» привели Плеханова-«искровца» к Плеханову-меньшевику². При этом важно подчеркнуть, что, говоря об этих обнаружившихся в спорах 1902 г. «уклончиках» Плеханова, Бубнов был весьма далек от того, чтобы «отлучать» его от революционного марксизма.

Статья А. С. Бубнова имела важное значение для правильной постановки вопроса о соотношении взглядов Ленина и Плеханова, особенно если учесть распространяемую в то время среди историков версию о тождестве теоретической базы современного социал-демократизма и ленинизма, тождестве, из которого проистекали будто бы лишь различные практически-политические программы³. Бубнов не противопоставлял плехановский марксизм 80—90-х гг. учению Ленина. Он отмечал как общеизвестную истину, что Ленин начинал не на пустом месте, что он имел предшественников, в числе которых «несомненно стоит и Плеханов»⁴. Но он решительно отметал попытку Ваганяна возвеличить Плеханова за счет извращенного толкования ленинских позиций по кардинальным программным вопросам.

Предпринятый Бубновым обстоятельный экскурс в

¹ См.: *Бубнов А.* Ревизия роли Ленина в истории русского марксизма: (По поводу книги т. Ваганяна). С. 123.

² См. там же.

³ См., например, предисловие *В. В. Святловского* в кн.: *Бенедикт Каутский: Экономические проблемы современности.* М., 1924. С. 6—7.

⁴ *Бубнов А.* Ревизия роли Ленина в истории русского марксизма. С. 123.

историю разработки первой общепартийной Программы позволил ему обвинить Ваганяна в непонимании того, что в программных спорах 1902 г. Ленин выступал как политический вождь, который вел свою линию в соответствии с требованиями эпохи. С опубликованием новых материалов в «Ленинском сборнике», писал Бубнов, «перед нами в полный рост встала гигантская фигура Ленина, который не только в вопросах политики и тактики, но и в вопросах программы уже тогда фактически стоял во главе, и шел в программных вопросах впереди Плеханова»¹.

Статья А. С. Бубнова имела большое методологическое значение: она ориентировала историко-партийную науку на более глубокое осмысление теоретических вопросов развития марксистской мысли в России, что и позволило бы «дать партийной молодежи такую книгу, по которой она сумела бы как следует, по-большевистски, понять Плеханова и научиться понимать Ленина»².

Резко критиковал «позиции» Ваганяна Е. М. Ярославский. Поводом для его выступления на страницах журнала «Большевик» послужило появление очередной брошюры Ваганяна («Сеятели безграмотности и невежества»), в которой с еще большей настойчивостью пересматривались взгляды Ленина. Е. М. Ярославский полностью разделил прозвучавшую в партийной печати критику этой «вредной тенденции» и еще раз указал, что избранная Ваганяном «схема» с ее основной мыслью о Плеханове как подлинном творце теории большевизма «резко расходится с исторической истиной и в корне противоречит принятому всей партией взгляду»³.

К сожалению, в своей аргументации против ревизионистских выкладок Ваганяна Ярославский пошел по пути усугубления тех недостаточно выверенных и заведомо ошибочных суждений, которые сводились к доказательству «раннего плехановского меньшевизма»⁴. Хотя в ответе Ваганяну Ярославский утверждал, что в учебнике, вышедшем под его редакцией, никто о Плеханове 90-х гг. как меньшевике не говорил, что речь шла только «о выяснении корней, о зародыше меньшевизма»⁵, тем не ме-

¹ Бубнов А. Ревизия роли Ленина в истории русского марксизма. С. 120.

² Там же. С. 123.

³ Ярославский Е. М. Ответ тов. Ваганяну // Большевик. 1926. № 18. С. 81.

⁴ См. там же. С. 85. Ср.: История ВКП(б). М.; Л., 1926. Т. 1, вып. 1. С. 175—176.

⁵ См.: Ярославский Е. М. Ответ тов. Ваганяну. С. 85.

нее поиски этих корней привели лишь к неверному истолкованию идейно-политических позиций Плеханова-марксиста, неисторическому отождествлению их с его позднейшими воззрениями. Е. М. Ярославский явно «перегибал лук» в другую сторону, а это неизбежно вело к созданию различных умозрительных построений, что особенно ярко проявилось, как это мы увидим далее, в изучении программно-тактического творчества группы «Освобождение труда».

Таким образом, молодая советская историко-партийная мысль на пути своего развития столкнулась с нацеленной на дискредитацию большевизма фальсификацией марксистского периода деятельности Плеханова и его группы. В новых исторических условиях историки и публицисты правооппортунистического толка направили свои усилия на абсурдную идеализацию Плеханова, на противопоставление его социал-демократического «европеизма» ленинизму, который третируется ими как специфически российский, «азиатское» уклонение от «ортодоксального» марксизма. С другой стороны, ленинизм атаковали представители столь же враждебных ему уклонов в самой партии, что и нашло отражение в ревизионистских попытках превратить Плеханова в «основоположника» большевизма и Коммунистической партии.

Это были две стороны одной медали, ибо и в том и в другом случае мелкобуржуазная сущность наскоков на большевистскую партию вылилась в антинаучную апологию Плеханова. И в том и в другом случае мировоззрение, общественно-политические взгляды и роль Плеханова в создании РСДРП подвергались — на первый взгляд с разных сторон — грубейшему извращению. Плеханов-марксист, который в течение 20 лет (1883—1903 гг.) «не был ни меньшевиком, ни большевиком, а был основателем социал-демократии»¹, стал объектом политических спекуляций, не имевших ничего общего с подлинно научной оценкой его деятельности.

Советские историки уже к середине 20-х гг. разоблачили классовую природу, политическую подоплеку и полную научную несостоятельность этих ревизионистских спекуляций. Но очевидные успехи в борьбе с антимарксистской историографией раннего социал-демократического движения в России, расчищавшие путь для утверждения ленинской концепции, в условиях ожесточенной классовой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 299.

и внутрипартийной борьбы не сняли ни политическую остроту проблемы, ни разногласия среди историков-марксистов в самом подходе к ее решению. Историографическая практика вступила в длительную полосу тяжелых испытаний, связанных с постепенным вторжением в историческую науку субъективизма как сущностного выражения идеологии культа личности. Именно это обстоятельство, ставшее барьером на пути дальнейшего освоения ленинской концепции истории РСДРП, породило серьезные «блуждания и шатания» в разработке многих общих и частных вопросов нашей темы.